

Оригинальная статья / Original article

УДК 340.15

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-21-31>

Правовое регулирование монастырского ростовщичества в Русском государстве в XV–XVII веках

М. О. Кузьмин¹ ✉¹Воронежский государственный университет

пл. Университетская, д. 1, г. Воронеж 394018, Российская Федерация

✉ e-mail: maksimkuzmin@mail.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье исследуется проблематика нормативной регламентации монастырского ростовщичества на Руси в эпоху Средневековья и Нового времени. Вследствие особенностей экономико-социального развития и историко-политических причин Церковь долгое время осуществляла операции, свойственные специализированным кредитно-банковским организациям. Тем не менее такая деятельность противоречила основным христианским принципам и текстам Священного Писания, побуждая законодателя реагировать на сложившуюся ситуацию путем создания различных нормативно-правовых актов. Изучение данного вопроса советскими учеными через призму антирелигиозной политики в современный период не может отражать всю объективность названного феномена. Рассмотрение монастырей как уникального субъекта гражданского оборота в XV–XVII столетиях позволит переосмыслить степень развития финансовых отношений в Русском государстве.

Целью исследования является формирование современного научного подхода к правовому регулированию денежно-заемной деятельности монастырей на Руси.

Задачи: определить место монастырского ростовщичества в финансовой сфере Русского государства; охарактеризовать основные механизмы взаимодействия Церкви и иных субъектов гражданского оборота в области заемных сделок; выявить особенности нормативной регламентации указанного явления.

Методология исследования характеризуется применением принципов историзма и объективности, а также структурно-функционального, формально-юридического и сравнительно-правового методов.

Результаты исследования свидетельствуют о многогранности поставленной проблематики, имеют историко-правовую природу и позволяют рассматривать участие монастырей в кредитных сделках с позиции хозяйственно-юридических взглядов для дальнейшего изучения.

Выводы, сформулированные по результатам исследования, подтверждают наличие сложноструктурированных денежно-заемных отношений в Русском государстве в XV–XVII веках и их особой правовой регламентации. Статья является продолжением научных изысканий автора по вопросам правового регулирования кредитно-банковских отношений в истории России.

Ключевые слова: договор займа; кредит; ростовщичество; монастыри; финансы.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кузьмин М. О. Правовое регулирование монастырского ростовщичества в Русском государстве в XV–XVII веках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 21–31. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-21-31>.

Поступила в редакцию 01.03.2024

Принята к публикации 26.03.2024

Опубликована 27.04.2024

Legal Regulation of Monastic Usury in Russia in the XV-XVII Centuries

Maxim O. Kuzmin¹✉

¹Voronezh State University

1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russian Federation

✉ e-mail: maksimkuzmin@mail.ru

Abstract

Relevance. This article examines the problems of normative regulation of monastic usury in Russia in the Middle Ages and Modern era. Due to the peculiarities of economic and social development and historical and political reasons, the Church for a long time carried out operations characteristic of specialized credit and banking organizations. However, such activities contradicted basic Christian principles and the texts of the Holy Scriptures, prompting the legislator to respond to the current situation by creating various legal acts. The study of this issue by Soviet scientists through the prism of anti-religious policy in the modern period cannot reflect the full objectivity of this phenomenon. Consideration of monasteries as a unique subject of civil legal relations in the XV-XVII centuries will allow us to rethink the degree of development of financial in the Russia.

The purpose of the research is to form a modern scientific approach to the legal regulation of monetary and borrowing activities of monasteries in Russia.

Objectives: to determine the place of monastic usury in the financial sphere of the Russia; to characterize the main mechanisms of interaction between the Church and other subjects of civil legal relation in the field of loan transactions; to identify the features of normative regulation of this phenomenon.

The research **methodology** is characterized by the application of the principles of historicism and objectivity, as well as structural-functional, formal-legal and comparative-legal methods.

The results of the research indicate the versatility of the problems posed, have a historical and legal nature and allow us to consider the participation of monasteries in credit transactions from the perspective of economic and legal views for further scrutiny.

The conclusions formulated based on the results of the study confirm the existence of complexly structured monetary-borrowing relations in the Russia in the 15th-17th centuries and their special legal regulation. The article is a continuation of the author's scientific research on issues of legal regulation of credit and banking relations in the history of Russia.

Keywords: loan agreement; credit; usury; monasteries; finance.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kuzmin M. O. Legal Regulation of Monastic Usury in Russia in the XV-XVII Centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(2): 21–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-21-31>

Received 01.03.2024

Accepted 26.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Нельзя не обратить внимание на некоторую особенность, проявившуюся только в отечественной финансовой сфере исходя из объективных обстоятельств развития государства. Так, в период позднего Средневековья – начала Нового времени на Руси складывается система

специфических кредитных организаций – монастырей. Благодаря особому статусу, нетронутые монголами религиозные учреждения становились центрами не только духовной, но и хозяйственной жизни, зачастую аккумулируя колоссальные экономические ресурсы в своих руках [1, с. 237]. Значительный объем капи-

тала, полученного монастырями путем наследования и дарения вотчин, внесения в казну духовной общины пожертвований и вкладов для пострижения, реализации разнообразных товаров, произведенных силами монахов и послушников, не мог не быть задействован в денежном обороте [2, с. 78]. Нельзя не отметить специфический тип приобретения различного рода имущества – с помощью залога. Именно таким способом монастыри скрывали кредитные отношения с должниками. Механизм перехода собственности действовал следующим образом: церковное учреждение передавало по договору займа заинтересованному лицу какие-либо материальные ценности, однако при просрочке обязательства оно получало права на закладную вотчину [3, с. 614]. В результате монастыри в Московском государстве стали крупнейшими феодалами, которые могли соперничать с Великим князем и влиять на него в политическом поле.

Методология

Специфика настоящего исследования подразумевает применение междисциплинарного подхода, который в данном случае оперирует достижениями науки в сфере истории, социологии, экономики, а также других областях знаний. Вместе с тем использование общенаучных и специальных методов позволило в полной мере изучить проблематику правовой регламентации монастырского ростовщичества. Применение формально-юридического и сравнительно-правового методов обеспечивает возможность обобщения нормативного материала XV–XVII вв., сопоставления правовых положений разных эпох и их анализ, описания получившихся результатов для дальнейшего использования в научной среде.

Результаты и их обсуждение

На протяжении столетий монастыри преумножали свои финансы путем выда-

чи всевозможных ссуд и займов: предметом кредитного договора выступали и монетные средства платежа, и натуральные продукты. Стоит отметить, что сложившийся со времен Устава Владимира Всеволодовича обычай отдавать зерно в «присопь» и «настав» существовал и в момент централизации Московского государства. Иными словами, ссудное зерно, такое как рожь, пшеница или овес, должник возвращал с процентом в виде натуральной доплаты. В части денежного роста монастыри кредитовали по ставкам ниже указанных в Пространной редакции Русской Правды. К XIV–XV столетию сформировался процентный интервал, в рамках которого займодавцы предлагали заключать сделки – значения варьировались от 12% до 14% годовых, что считалось «легким ростом» [4, с. 238]. Кроме того, имела место традиция возврата денежной ссуды, когда дата исполнения обязательства приурочивалась к важному православному празднику, т. е. срок кредита редко превышал один год.

Тем не менее к периоду правления Ивана III Васильевича продолжало существовать религиозное табу на кредитно-финансовые сделки – церковные деятели ссылались на библейский запрет о недопущении предоставления материальных ценностей в долг под процент, в том числе с участием обителей. Более того, монастырское ростовщичество остро критиковалось видными православными деятелями. К примеру, Нил Сорский выступал с предложениями ограничить церковное землевладение и запретить участвовать обителям в кредитных отношениях [5, с. 16]. Общественное движение, возникшее на основе подобных взглядов, получило название «нестяжательство». Схожих позиций придерживались насельник Кириллова монастыря Вассиан и Максим Грек, которые порицали возможность Церкви заключать заемные сделки с мирянами [6, с. 82]. Однако нестяжательство не было первым религиозным уче-

нием, обличающим материальные ценности церкви. В середине XIV в. в Пскове появилась ересь стригольников, сторонники которой критиковали высших духовных лиц за корысть в контексте монашеского ростовщичества и землевладения. Не получив широкой поддержки населения в течение нескольких десятилетий, движение потеряло всякое значение и исчезло.

Оппонентами нестяжателей выступили последователи Иосифа Волоцкого, считавшие наличие монашеской собственности благим делом при использовании её в рамках благотворительных и просветительских целей. В то же время с обозначенными помыслами было сопряжено и ростовщичество, кратно умножавшее имущество монастырей. Poleмика нестяжателей и иосифлян вылилась в продолжительный конфликт, который отразился на законодательстве того периода, а также изменил принципы отечественной кредитно-банковской сферы и отношение к денежным займам в русском обществе.

Обитатели кредитовали различные сословия – возможность оформить заем была как у аристократии, так и у тяглых людей – жителей посадов и крестьян. При этом институт залога выступал своеобразной обеспечительной мерой, предметом которой могло выступать не только недвижимое имущество, но и иные вещи, находящиеся в гражданском обороте. Судьба залога при неуплате долга в рамках сложившихся правовых обычаев XV в. была классической по современным меркам – он пополнял казну монастыря. К тому же цели кредитно-банковских операций носили зачастую сугубо социально-экономический характер. С точки зрения хозяйственности займы помогали справиться с последствиями вооруженных конфликтов, разорявших многие вотчины, увеличить размер владений феодала, пережить кризисные эпохи в виде засух и неурожаев. Тем не менее с учетом обилия потрясений и

трудных исторических периодов, в которых оказывалось население Московского государства, постепенно в ростовщической деятельности монастырей вместо краткосрочных займов стали преобладать долгосрочные, нацеленные на закабаление должников.

Термин «кабала» появился в отечественном законодательстве только к середине XVI в., однако данная категория была известна русскому праву задолго до Судебника Ивана IV. Имея арабское происхождение и дословно переводившееся как «купля-продажа», вышеобозначенное понятие означало письменную форму обязательства, которое могло быть обеспечено залогом или другими подобными мерами [7, с. 135]. Такая заемная расписка составлялась сторонами по утвержденной традициями форме, о чем свидетельствуют документальные памятники соответствующей эпохи [8, с. 3]. В частности, кабальная грамота представляла собой образец, заполненный писарем или подъячим с указанием сведений о должнике – имени или прозвища, места жительства и сословия. Вместе с тем в записи содержалась информация о процентах по ссуде и сроках её возврата, иные дополнительные положения, предусмотренные договором. Обязательным условием выступало удостоверение заемщиком кабалы с помощью прикладывания руки, т. е. подписанием путем оставления отпечатка пальца на обороте.

Отсутствие законодательного закрепления норм о заемных расписках, имевших широкое распространение в правоприменительной практике, в очередной раз подтверждает тезис о преобладании в Русском государстве обычного права над правом писаным. Тем не менее без специального оформления сделок, которым и выступала кабала, кредитно-банковские отношения не получили бы должного развития – долгосрочные займы невозможны без задокументированных свидетельств.

Аналогичная позиция прослеживалась и в Псковской судной грамоте. К тому же в отечественном праве намечалась тенденция ухода от привлечения послухов для подтверждения факта заключения сделки. Способы доказывания, сопряженные с такой формой составления договора, из законодательства постепенно исчезали. В первую очередь, речь идет о поле – судебном поединке, представлявшем собой Божий суд, который в XVI в. стал заменяться на принесение присяги по жребию [7, с. 135]. Исходя из этого, кабала стала единственным способом утверждения наиболее значимых сделок, в том числе в сфере торговли и ростовщичества. Данный правовой институт со временем стал подразделяться на различные виды. Например, историографии известна, помимо заемной и закладной, кабала выданная, подложная, ростовая, а также служилая [9, с. 152]. При этом отдельно рассматривались обязательства, возникавшие у должников по отношению к обителям [8, с. 4]. В большинстве случаев договоры касались выдачи ссудных средств под залог недвижимости. Нередко вместо материального вида проценты уплачивались путем разрешения использования земельных участков в интересах заимодавца или третьего лица, которое уплачивало рост кредитору в денежном выражении. Подобная ситуация излагается в закладной на пустошь, оформленной Васюком Ногой Есиповым в пользу старца Свято-Троицкой Сергиевой лавры Геронтия [8, с. 5].

Для целей упорядочивания кредитно-банковской деятельности, субъектами которой выступали монастыри, каждая обитель вела определенный финансовый учет путем составления долговых книг. В ней отражались заемные сделки, договоры купли-продажи, вклады и иные операции, связанные с материальными ценностями разного масштаба. В частности, долговая книга Иосифово-Волоцкого монастыря, основанного ранее упомянутым лидером противников нестяжателей, на

начало XVI в. содержала более 60 записей [10, с. 172]. На первый взгляд большинство сделок не носили финансовый характер – преобладающее количество договоров представляли собой безвозмездную передачу имущества в пользу обители в виде вклада или договора дарения. Тем не менее на практике, как было отмечено ранее, монастыри маскировали ростовщическую деятельность под иные действия экономико-правовой природы. Несмотря на то, что юридически недвижимость передавалась обителям путем дарения с целью «помина души», фактически подобное было платой по долгам крупных и мелких землевладельцев. Подтверждение вышеуказанных манипуляций содержится в ряде дарственных грамот, когда под видом безвозмездных сделок осуществлялось исполнение денежных обязательств [11, с. 52]. Однако в учетных документах монастырей такие факты не могли быть отражены. Исходя из этого, нельзя установить реальный объем притворных сделок, существовавших в XV–XVI вв. в сфере кредитования. Современные исследователи могут опираться только на те «данные» грамоты, которые являлись отдельно взятым юридическим фактом, т. е. казусом.

Вместе с тем за два столетия монастырикратно увеличили своё землевладение. Этот феномен является косвенным подтверждением вышеуказанной позиции – ростовщическая активность позволила приумножить богатства обителей за счет свободного оборачиваемого капитала. При этом перед государством остро встал вопрос об ограничении церковной финансовой деятельности. Первая серьезная попытка разрешить существующую проблему для великокняжеской власти в части феодальной собственности монастырей была предпринята в конце правления Ивана III Великого. Для этих целей в 1503 г. был созван Собор Русской православной церкви, на котором было выдвинуто предложение о секуляризации земель, принадлежавших обителям [12,

с. 128]. Инициатором выступил сам Государь и Великий князь, однако подобное мнение не было поддержано влиятельными духовными лицами. На основании этого прийти к какому-либо конечному результату относительно вопросов о монастырском землевладении и ростовщической деятельности обитателей не удалось. Иван III Васильевич стремился лишить религиозные общины основы заемных отношений – капитала, с помощью которых они могли кредитовать различных субъектов. Аналогичные меры были предприняты государем в отношении новгородских церковных земель при присоединении боярской республики к Москве. Тем не менее, как и тремя веками ранее, великокняжеская власть не справилась с вышеобозначенной задачей, по крайней мере, в рамках Собора 1503 г. К тому же собрание наивысших духовных лиц государства ознаменовало первое прямое столкновение иосифлян и нестяжателей.

Во всяком случае, наиболее ранней попыткой ограничить практику монашеских займов считается созыв Владимирского собора в 1274 г., важные решения которого были закреплены в Правиле митрополита Кирилла II. Особое внимание в первой части данной грамоты высших религиозных иерархов было уделено требованиям, предъявляемым к кандидатам на получение церковного сана. Так, будущий священник не мог стать служителем, если «...а или в лживее посушьстве был боудет, или оубийство створил боудет, волею или ноужею, или резоник» (а или уличен во лживом обещании, совершил убийство, умышленное или по принуждению, или ростовщик. – *Авт.*) [13, с. 91]. В данном случае термин «резоник» подразумевает ведение деятельности по передаче денежных средств или иных материальных ценностей в рост. Несмотря на установленный запрет, кредитование обителями мирян стремительно укоренялось в сознании населения. К XVI в. монастырское ростовщичество так

широко распространилось на всей территории Московского государства, что становилось причиной деградации и разорения большого количества селений, выступавших обеспечительной мерой по заемным сделкам. К середине столетия проблема монастырского ростовщичества для великокняжеской власти была предельно ощутимой, следовательно, требовала от монарха незамедлительных решений.

В тот исторический период в России на царство венчался Иван IV Васильевич, который с осторожностью относился к укреплению позиций Церкви при дворе в целом и финансовой деятельности религиозных институтов в частности. В 1551 г. на Стоглавом соборе его участники по инициативе самодержца рассмотрели недопустимость кредитно-банковской деятельности монастырей, тем самым подтверждая существующий конфессиональный запрет. При этом по результатам работы такого собрания были приняты не только церковные решения, но и утвержден новый Судебник, в котором значительным образом изменился подход к заемным правоотношениям.

На разрешение поместного собора был поставлен ряд вопросов различного значения и всевозможной тематики. Глава 6 сборника содержит исчерпывающий перечень из 37 положений о церковном строении, требующих первоочередного рассмотрения. Вопрос под номером 16 акцентирует внимание на деньгах, которые религиозные организации выдают под проценты населению. Предполагается, что обозначенную проблему, критикующую ростовщичество монастырей, сформулировал А. Ф. Адашев, опираясь на челобитные подданных Царя всея Руси [14, с. 103]. Отвечая на поставленный вопрос, текст Стоглава, в свою очередь, содержал положения, ссылающиеся на Библию, не разрешавшую ростовщичество ни священнослужителям, ни монахам, ни мирянам. Глава 76 указывала на то, что «денги давати по своим селом

своим хрестьяном без росту и хлеб без наспу того для, чтобы за ними християне были, и села бы их были не пусты» [7, с. 354]. Иными словами, постановление собора смогло урегулировать не только сложную социальную и правовую ситуацию, но и экономическую проблему, влиявшую на долгосрочные перспективы развития государства. К тому же Стоглав узаконил церковные долговые книги, которые выступали доказательством заключения договора займа между субъектами. Обычно такого типа документы хранились в монастырской казне и были призваны ограничить кабальные обязательства, которые зачастую возлагались на беднеющее население. Впрочем, со своей стороны Церковь с начала XVI в. вводит в гражданский оборот понятие очищающей грамоты (отписи), служившей гарантией того, что при продаже угодий объект сделки не находится в залоге у обителя и не упоминается в духовном завещании какого-либо лица. По логике сторонников монашеского землевладения подобные акты были направлены на подтверждение бескабальности договоров и одновременно на закрепление за монастырями права на недвижимость. Принимая во внимание характер данных документов, необходимо сделать вывод: наиболее распространенным способом приобретения земли становятся заемные операции.

Во всяком случае, в конце XV – середине XVI в. при всех попытках монарха ограничить церковное ростовщичество всякого кредитора комплексно защищало действующее на тот момент законодательство – Судебники 1497 и 1550 гг. К тому же сложившаяся правоприменительная практика в области заемных обязательств поддерживала позицию займодавца при любых обстоятельствах. Например, текст ряда закладных на деревни в период с 1517 по 1519 г. содержал условия, которые ставили заемщиков в заведомо невыгодное положение по

сравнению с «митрополичьей казной», выдававшей кредитные деньги [8, с. 7].

Коренной перелом относительно этого вопроса произошел после создания Соборного Уложения 1649 г. Стоит обратить внимание на то, что в положениях свода законов активно применялись термины «кабала», «заем» и производные от них лексемы. При этом понятие «рост» упоминается единично, например, в ст. 255 главы X, которая, в свою очередь, стала переломной точкой в вопросе регулирования ранее обозначенного монастырского ростовщичества. Так, вопреки существовавшему приговору церковно-земского собора от 15 января 1580 г., запрещавшему обителям, их владыкам, а также митрополиту приобретать в рамках договора купли-продажи земельные владения и держать закладные грамоты на недвижимость [15, с. 27], Церковь продолжала наращивать материально-финансовую базу. Равным образом, царская власть усилила борьбу с подобным явлением и включила в текст Уложения 1649 г. полное табу на взимание процентов по кредитным сделкам: «по правилу Святых Апостол и Святых Отец росту на заемныя денги имати не велено [16, с. 154]». Формально на целое столетие правовая система Русского государства, вплоть до образования Государственного заемного банка, не признавала заем в его традиционном проявлении. Для участников гражданского оборота оставалась только конструкция безвозмездной ссуды, повсеместное использование которой затормозило бы хозяйственное развитие России и ввергло её экономическую сферу в хаос. В таком случае мелкие феодалы и иные некрупные держатели финансовых ресурсов не имели интереса кредитовать население ввиду безвозмездности сделки. Обращение должников в холопство для данных социальных слоев несло дополнительное бремя прокорма зависимых лиц. Указанные обстоятельства были скорее негативными, чем позитивными,

ставили под угрозу экономическое состояние самих займодавцев.

В действительности ростовщики продолжали брать привычный процент в связи со сложившимся правовым обычаем. К примеру, в заемной кабале крестьянина Афанасия Ивановича Калякина с детьми в пользу Воскресенского монастыря от 26 января 1657 г. на общую сумму 2 рубля указывается следующее: «а полягут денги по сроце, и нам ему... денги давати строителю рост, как идет в людях, по розчету на пять шестой» [8, с. 1]. Иными словами, названная ставка за пользование деньгами была известна ещё Пространной редакции Русской Правды, что в пересчете на современную систему банковского счисления, по мнению специалистов, составляло 20% годовых [3, с. 699]. Исходя из вышеупомянутой кабалы, кредитором в данной сделке выступала обитель, а должниками – представители крестьянства.

Следует отметить, что наряду с финансовой формой займа широкое применение по-прежнему имел и натуральный вид соглашения. Церковь давала крестьянам в рост, как и несколько столетий назад, различные продукты сельскохозяйственной деятельности. Предметом такого товарного кредита преимущественно оказывалось зерно: рожь, овес, пшеница, ячмень и другие злаковые культуры. Отсюда возврат долга мог быть осуществлен в безденежном виде, но только на условиях возмездности – рост определялся в зависимости от полученного урожая. Если ссудное зерно, использованное для посевов, не приносило должного количества сжатых хлебов, заемщику назначался финансовый эквивалент [17, л. 1–5]. Вдобавок данные правила применялись не только к свободным лицам, взявшим на себя обязательство, но и тем, кто уже относился к разряду монастырских крестьян, а также холопов. С XVII в. холопы фактически отождествлялись с крепостными, получали в пользование земельные наделы,

вели хозяйственную деятельность и несли повинности. Данная категория зависимого населения просуществовала в Русском государстве до середины XVIII в. и была упразднена по указу от 14 марта 1746 г. [18]

Тем не менее на практике встречались исключения, обусловленные для общества кризисными периодами. Так, в Смутное время некоторые обители не только предоставляли беспроцентные займы, но и могли не устанавливать точного срока возврата кредитного имущества, т. е., согласно тексту документа, «а заплатит мне та рож как Бог даст осад минетца» [19, л. 1–226]. Однако по большей части подобный механизм работал в отношении монахов, послушников и собственных тяглых людей. К остальным категориям населения Русского царства из года в год требования оставались неизменными. Например, князь Петр Федорович Мещерский в конце XVII в. смог получить в долг от настоятеля Иосифово-Волоцкого монастыря 280 рублей только под залог драгоценностей [20, л. 1].

Выводы

В итоге необходимо отметить, что в отличие от мелких займодавцев монастыри, наоборот, стремились к предоставлению наибольшего количества денежных ссуд тем слоям населения, которые, с большой долей вероятности, не смогут исполнить своих обязательств и будут вынуждены переходить в число холопов. Благодаря этому Церковь умножала свое благосостояние и реализацией залога на земельные участки, и увеличением числа зависимого населения. Основу таких процессов составляло развитие кредитно-денежных институтов, ключевую роль в осуществлении которого сыграли многочисленные русские монастыри.

Таким образом, несмотря на прямой законодательный запрет Церковь не только продолжала кредитовать частных

лиц различного социального происхождения, но и ощутимо расширила влияние на рынке финансового капитала ввиду отсутствия полноценных альтернатив. При этом в Московском государстве не прижились банковские учреждения западного образца, позволявшие удовлетворять заемные потребности субъектов гражданского оборота. В соответствии с вышеуказанным монастыри активно опе-

ривали своим доминирующим положением для охолопивания заемщиков. Данный процесс начался задолго до принятия Соборного Уложения Алексея Михайловича и продлился вплоть до упразднения такого вида зависимости как юридической категории (перехода холопов в число крепостных крестьян) по ранее упомянутому указу от 14 марта 1746 г.

Список литературы

1. Смолич И. К. Русское монашество, 988-1917. М.: Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 1997. 773 с.
2. Грекулов Е. Ф. Нравы русского духовенства. Рязань: Рязгостип., 1929. 98 с.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
4. Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций: в 3 т. Т. 1. М.: АСТ, 2002. 592 с.
5. Данилова К. А., Маякунов А. Э. К вопросу об этико-правовом учении Нила Сорского // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 3(27). С. 14–19.
6. Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе / предисл.: послушник Моисей. Сергиев Посад: Св.-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910. 299 с.
7. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. Т. 2 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. 519 с.
8. Акты, относящиеся до юридического быта древней России: в 3-х т. Т. 2 / под ред. Н. Калачова. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1864. 872 с.
9. Судебники XV–XVI веков / подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; коммент. А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.: РГБ, 2006. 620 с.
10. Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М.: Наука, 1977. 356 с.
11. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков: в 3-х т. Т. 2 / подгот. к печати А. А. Зимин; отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 664 с.
12. Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. 223 с.
13. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 : (Памятники XI–XV в.) / под ред. А. С. Павлова. 2-е изд. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 1472 с.
14. Шапошник В. В. Финансовые вопросы на Стоглавом соборе // Христианское чтение. 2014. № 1. С. 96–114.
15. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти т. Т. 3 / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. 511 с.
16. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
17. РГАДА (Всероссийский государственный архив древних актов). Ф. 1192. Оп. 1. Ч. 4. Д. 2556.

18. О непокупке купцам и прочим разночинцам, состоящим в подушном окладе, людей и крестьян // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 12, № 9267.
19. РГАДА. Ф. 1192. Оп. 1. Ч. 4. Д. 2526.
20. РГАДА. Ф. 1192. Оп. 1. Ч. 4. Д. 2276.

References

1. Smolich I. K. Russkoye monashestvo, 988-1917 [Russian monasticism, 988-1917]. Moscow, Tserkov.-nauch. tsentr "Pravoslav. entsikl.", 1997. 773 p.
2. Grekulov E. F. Nравy russkogo dukhovenstva [Morals of the Russian clergy]. Ryazan, Ryazgostip., 1929. 98 p.
3. Vladimirsky-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2005. 800 p.
4. Klyuchevsky V. O. Russkaya istoriya: Polnyy kurs lektsiy [Russian history: Complete course of lectures]. Moscow, AST Publ., 2002, vol. 1. 592 p.
5. Danilova K. A., Mayakunov A. E. K voprosu ob etiko-pravovom uchenii Nila Sorskogo [On the issue of the ethical and legal teaching of Nil Sorsky]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo.* = *Bulletin of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Series: History. Political. Law*, 2022, no. 3(27), pp. 14–19.
6. Maksim Grek. Sochineniya prepodobnago Maksima Greka v russkom perevode [Works of the Venerable Maximus the Greek in Russian translation]. Sergiev Posad, Sv.-Troickaya Sergieva Lavra, 1910. 299 p.
7. Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]; ed. by O. I. Chistyakov. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985, vol. 2. 519 p.
8. Akty, odnosyashchiyesya do yuridicheskago byta drevney Rossii [Acts relating to the legal life of ancient Russia]; ed. by N. Kalachov. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Acad. nauk, 1864, vol. 2. 872 p.
9. Sudebniki XV–XVI vekov [Legal Codes of the XV–XVI centuries]; ed. by R. B. Muller, L. V. Cherepnin, B. D. Grekov, eds. Moscow, RSL Publ., 2006. 620 p.
10. Zimin A. A. Krupnaya feodal'naya votchina i sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konets XV–XVI v.) [Large feudal estate and socio-political struggle in Russia (late XV–XVI centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 356 p.
11. Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaystva XIV–XVI vekov [Acts of feudal land tenure and economy of the XIV–XVI centuries]; ed. by A. A. Zimin, L. V. Cherepnin. Moscow, Acad. Nauk SSSR Publ., 1956, vol. 2. 664 p.
12. Ivina L. I. Krupnaya votchina Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – pervoy poloviny XVI v. [Large patrimony of North-Eastern Rus' at the end of the 14th – first half of the 16th century]. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otd-nie, 1979. 223 p.
13. Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava (Pamyatniki XI–XV v.) [Monuments of ancient Russian canon law]; ed. by A. S. Pavlov. 2th ed. St. Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova, 1908, pt. 1. 1472 p.
14. Shaposhnik V. V. Finansovyye voprosy na Stoglavom sobore [Financial issues at the Stoglav Cathedral]. *Khristianskoye chteniye* = *Christian Reading*, 2014. no. 1, pp. 96–114.
15. Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]; ed. by O. I. Chistyakov. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985, vol. 3. 511 p.

16. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. *Sobornoye ulozheniye 1649 goda* [The Council Code of 1649]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1961. 444 p.

17. RGADA (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 1192, op. 1, ch. 4, d. 2556.

18. О nepokupke kuptsam i prochim raznochintsam, sostoyashchim v podushnom oklade, lyudey i krest'yan [On the non-purchase of people and peasants to merchants and other raznochins, who are paid per capita]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii = The complete collection of laws of the Russian Empire*, coll. 1, vol. 12, no. 9267.

19. RGADA, f. 1192, op. 1, ch. 4, d. 2526.

20. RGADA, f. 1192, op. 1, ch. 4, d. 2276.

Информация об авторе / Information about the Author

Кузьмин Максим Олегович, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: maksimkuzmin@mail.ru,
ORCID: 0009-0002-0254-5584

Maxim O. Kuzmin, Post-Graduate Student of Theory and History of State and Law Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: maksimkuzmin@mail.ru,
ORCID: 0009-0002-0254-5584